
АННА МИРАЛЬД
ПОПАДАНКА-ПЕСЕЦ
ИЛИ
МАГИЯ ПО-РУССКИ

Анна Миральд

Попаданка-Песец, или Магия по-русски

https://litres.ru/74718402
SelfPub; 2026

Аннотация

Я была успешным топ-менеджером крупного отеля, пока агент Бюро с интригующим названием не предложил мне спасти мир! И я в шутку согласилась.

Теперь я заброшена в другой мир, где должна возвести роскошный отель, сокрушить армию бюрократов, дабы воплотить задуманное, и показать всем истинное русское гостеприимство. Только вот из ресурсов у меня лишь саркастичный домовой Кузя из ДикоЯгодного сундучка, удивительный мальчик Егорка да моя собственная песцовая шуба – ибо, видите ли, угораздило меня обернуться оборотнем!

А ещё в этом мире кто-то ворует магию, и искать их придётся кому? Ну, конечно, тоже мне – на пару с вредным, но симпатичным Военным Советником, который то не даёт мне прохода, то готов отправить меня на плаху. Эх, где наша не пропадала!

В общем, готовьтесь, на арене Прекрасный русский песец!#

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	59
Глава 11	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Мирольд
Попаданка-Песец, или Магия по-русски

Глава 1

– Я – агент БДСМ! Уделите мне несколько минут, пожалуйста! – неожиданно раздалось сзади.

– Агент чего? – Я так резко развернулась, что чуть не свернула шею. Папки в руках едва удержались.

В дверях стоял худощавый молодой человек в чёрном строгом костюме. Ни плётки, ни латексной маски. На лацкане – смешной значок: книга, меч и… это весы или сломанный калькулятор?

– БДСМ – Бюро Долгосрочного Сохранения Магии! – гордо повторил он.

– Я всегда была уверена, что это означает «Бесконечные Дедлайны Садистов-Менеджеров». Но ваш вариант как-то… позитивнее, что ли, – фыркнула я, закрывая картотечный шкаф. Видок у чудика настырный – сам не отстанет. – Если это супер-пупер крутое предложение в стиле «Бесплатные Деньги», у вас ровно три секунды на телепортацию. Реструктуризация долгов тоже не интересует. Я вчера заложила квартиру и погасила большую их часть.

– Я пришёл не за этим, госпожа Песцова! – произнёс гость с пафосом, достойным президентского посланца, отправленного в глубочайшую провинцию. – У меня более важная миссия.

– Ладно, даю вам ровно две минуты, чтобы поведать вашу

душераздирающую историю и тихо свалить в туман. У меня совершенно нет времени, – скривилась я в откровенном одолжении.

Молодой человек кивнул с самым серьёзным видом.

– Мы занимаемся… хм… стабилизацией магических систем в разных мирах и предлагаем вам…

– Замуж за эльфийского прЫнца? – усмехнулась я, вспомнив недавнюю болтовню с приятельницей о любимых книгах. – Спасибо, у меня другие планы.

– Нет, спасти альтернативный мир! – высокопарно объявил визитёр.

Я прыснула.

– Вот это предложение! От такого сложно отказаться. Кого именно будем спасать: гномов, белок или единорогов?

Тимий нервно вытащил какой-то кристалл и протянул мне:

– Магию. Вот, взгляните!

Я скептически посмотрела на искрящийся камень.

– Ну красивый.

– Посмотрите внутрь! – велел он, пытаясь всучить мне эту фигню.

– И что я там увижу? Эльдорадо с драконами или пьяных гоблинов в подворотне?

– Ваш сарказм достоин аплодисментов, Анфиса Романовна, но я настоятельно рекомендовал бы всё же заглянуть в артефакт, – процедил «спаситель миров», чей напыщенный

вид только подстёгивал моего внутреннего тролля. – Данные мне две минуты уже истекли, и, замечу, по вашей милости. Поэтому посмотрите внутрь, и за новые две я всё вам расскажу.

Моя левая бровь приподнялась элегантной дугой. Насколько помнила из школьного курса по ОБЖ, психов лучше не провоцировать. Пришлось просьбу уважить.

– Ладно, – я протянула руку и поднесла кристалл к глазам.

Внутри жил большой, но унылый средневековый город: в небе летали странные птицы, похожие на недощипанных ворон, по улицам ездили вычурные яркие кареты и телеги, запряжённые лошадьми в перьях. Вдруг прямо перед взором мелькнуло нечто, похожее на дракона, разглядеть которого мне не дали. БДСМщик выхватил игрушку обратно.

– Прикольная голограммка. Две минуты пошли.

Гость спрятал кристалл в карман и проворчал:

– У вас невозможный характер.

– Стараюсь, – скрестив руки на груди, с ехидной улыбкой я напомнила: – время.

Тимий тяжело вздохнул и быстро заговорил:

– Меня прислало Бюро, чтобы заключить с вами Контракт на перемещение. Наша общая конечная цель – спасти альтернативную Россию от исчезновения родной магии. Ваша помощь будет щедро вознаграждена.

– И чем же? Возьмёте меня в ваш БДСМ-клуб почётным членом? – хохотнула я.

– Очень смешно, госпожа Песцова, но нет. Золотом, дворянским титулом и особняком в придачу! – с такой помпезностью изрёк этот засланец, что в голове тут же возникла картина: я в роли Кощея Бессмертного, счастливо над златом чахну. Прекрасная фантазия. Улыбка сама собой расцвела на лице. – Мы долго наблюдали за вами и пришли к выводу, что вы – идеальный кандидат для этой миссии. Любите родную культуру, людей и очень гостеприимны. Вашей Родине там, в Альтерии, нужен кто-то, кто напомнит ей о себе, о её богатстве. Вы нужны своей земле, Анфиса. Мы считаем, на вас можно положиться.

– Зря вы так думаете. Я бы даже облокачиваться на меня в таком вопросе не советовала, если вы, конечно, не склонны к мазохизму. Но, если вы там в своём БДСМ так считаете, кто я такая, чтобы спорить, – хихикнула в ответ. У мужика явно крыша поехала. Но на Руси юродивых всегда жалели, грех над больными смеяться. – Кстати, как спасать будем?

– Вы всё узнаете, как только мы встретимся по ту сторону вашего мира.

Я задумчиво кивнула. Вот так живёшь себе, живёшь, а за тобой, оказывается, подглядывают озабоченные всеобщим счастьем психи…

Меж тем настырный пришелец продолжал свои уговоры:

– Считайте меня посланником Вселенной, исполнителем ваших самых сокровенных желаний.

– Золотая рыбка прям! – откровенно хохотнула я. – Я тут

всего лишь Гостиный двор открыть хотела, но вы предлагаете такой сервис…

Настроение взмыло вверх, словно я глотнула свежего воздуха из детства. На миг даже стало жаль, что это всего лишь сказка, в которой мне не бывать. И наивного мужика жалко. Или завидно, что он в сказки верит, а я нет. Эххх… ладно, хоть развлечёт немного болтовня.

– Если согласитесь на Контракт, любой каприз за наши деньги, – многозначительно прищурился Агент.

– Даже так? Ну, гулять так гулять! Тогда… Не хочу быть чёрной крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой! – выпорхнули из подсознания слова любимой сказки. – Ещё хочу себе сундучок со сказками и домовёнком Кузей, чтобы он мне во всём помогал, и вечную шубу. Например, белую песцовую. Какая ж дворянка без шубы!

– Значит, вы согласны, Анфиса? – вкрадчиво уточнил Тимий.

– Конечно, друг мой! – всплеснула я руками. – Без всяких сомнений! До встречи в… как там его, месте, где я должна всех спасти? Вы уж постарайтесь, доставьте меня по адресу! Главное, не забудьте про условия. Без шубы и Кузи не пойду!

– Договорились, – тоном «считайте, что всё решено», радостно встрепенулся межмировой «рекрутер».

Я же подошла к гостю и легонько похлопала по плечу:

– А теперь бегите, голубчик. Мне надо подготовиться к подвигу во имя своего Отечества. Настроиться, помедити-

ровать, попрощаться с друзьями. Идите, идите. Благодарю за уделённое время. Считайте, что моё согласие у вас в кармане. Ступайте с богом. Не поминайте лихом. И чего там ещё у нас говорят? Ах да! Скатертью дорожка!

Тепло вздохнув о несбыточном, я снисходительно улыбнулась и ненавязчиво показала мужику на дверь. Тот, сияя счастьем, направился к выходу.

Забавный малый. Надо бы в службу спасения позвонить, может, он чей-то потерявшийся, безобидный пациент? А то наш народ недоверчивый, накостыляют мужику где-нибудь в подворотне из воспитательных соображений. Жалко.

Вдруг мой гость остановился и, полуобернувшись, с хитрым прищуром выдал:

– Анфиса, а вы зря! Я ведь не шучу! До встречи в Альтерии!

– Конечно, до встречи! – широко улыбнулась ему вслед. – Надеюсь, вы ничего не перепутаете, и я получу желаемое?

– Обязательно, – слегка поклонился мужчина и исчез за дверью.

Я же вернулась к работе с приподнятым настроением и усиленным энтузиазмом.

Уже послезавтра на моём столе будет красоваться выстраданный контракт с Борисовым, и я, наконец, осуществлю свою мечту! Открою крутой Гостиный двор.

Тут мои радостные мысли прервал заигравший телефон.

– Фиска, мне сейчас позвонил один полезный дядечка из

Банка. Они откажут тебе в кредите, – раздался в динамике очень встревоженный голос приятельницы.

– Почему? – прохрипела я.

– Сама в шоке, – печально ответила подруга. – Одно могу сказать точно. Вчера в контору наведывался твой бывший и о чём-то долго говорил с финдиректором. После этого поступило распоряжение внести тебя в чёрный список, – я ошалела, а приятельница тихо добавила: – И ещё, Анфис…тебе лучше исчезнуть на какое-то время из города. Пожалуйста.

И отключилась.

Моё сердце гулко забилось от шока. Кровь прилила к вискам, голова загудела. Руки мелко задрожали. Слова застряли в горле. Тело ломало от невыносимой душевной боли.

Почему? За что судьба со мной так?? Я ведь ни разу никому гадости не сделала! Старалась с людьми по-людски.

– Где твоя справедливость, Вселенная? – вопль, раздираемый рыданиями, взметнулся к небесам. – Забрала родителей… растоптала мечту… И эту сволочь, что лишил меня всего и навешал долгов на шею, вернула! Чем мне теперь расплачиваться за заложенную квартиру, скажи на милость?! Я грезила о доброй сказке, о светлом будущем… И что получила взамен? Лишь разбитое корыто у ног и пожирающее душу одиночество!

И в порыве захлёстывающего отчаяния, словно молитву, прошептала:

– Верни мне посланца из загадочной организации с интри-

гующим названием! Хочу в его тридевятое царство, в тридесятое государство! Пусть даже с драконами и с психами из БДСМ. Лишь бы от всего этого подальше…

Закрыв ладонями мокрое лицо, я сделала шаг вперёд. Неожиданно моя нога зацепилась за ковролин, и я красивой рыбкой с воплем «Писец!» полетела… в непонятно откуда взявшийся в полу огромный портал. От головокружения и страха сознание поплыло.

И только где-то на его задворках еле уловимо послышалось: «Ну что, моя дворянка, полетели…»

Глава 2

– Анфиса, очнитесь! – позвал меня издалека знакомый голос.

Не хочу. Тело ломало, словно его вывернули наизнанку. В желудке зрела тошнотворная буря, словно накануне я выпила пару литров крепких коктейлей. Мерзость. Ненавижу это ощущение.

Сделала глубокий вдох, и тут как назло зачесался нос. Вот ведь напасть! Попыталась почесать, но получилось больно. Он поцарапался. Чем интересно? У меня отродясь длинных ногтей не было.

Пришлось нехотя разлепить веки.

Длинный, мохнатый, выпуклый предмет с чёрной нашлёпкой вместо носа вызвал острое желание развидеть это обратно. Зажмурилась. Открыла снова. Без изменений. Всё тот же волосатый агрегат.

– Что это за... – скорее прохрипела, чем произнесла я, пытаясь ощупать новообретение. Но перед глазами мелькнула какая-то белая, невесть откуда взявшаяся лапа. – Что происходит?!

Последний вопрос вырвался каким-то визгливым тявканьем, отчего я аж подскочила. Вернее, попыталась. Вдруг и воздух ударил в нос тысячей новых запахов: пыль с привкусом мышиных гнёзд, сладковатая затхлость старого дерева и

жареное мясо откуда-то справа. Слюна предательски наполнила пасть. Блин, я что, теперь как собака, пускаю слюни?!

В панике я запуталась в новых конечностях – эти чёртовы лапы разъезжались в разные стороны, а хвост (БОЖЕ, У МЕНЯ ХВОСТ!?) дёргался, как живой, – и рухнула на пол, подняв облако пыли. Где-то сверху раздался сдавленный смешок.

– Я исполнил ваше условие взамен на спасение этого мира, – прозвучало довольно сбоку. – Теперь у вас вечная шуба песца.

Я скосила глаза на стоявшего неподалёку Тимия, от которого несло чем-то резким и химическим – то ли дешёвым одеколоном, то ли просроченными реагентами.

– Я сказала ИЗ песца! Вас учили слушать внимательно? Составитель контрактов, блин, – гневно рявкнула я, пытаясь подняться на лапы и осматривая свои белоснежные мохнатые бока. – Блин, боюсь представить, сколько стоит эпиляция на такие масштабы!

– О, лучше представь, как сногсшибательно ты будешь выглядеть после неё! – раздался восторженный голос из маленькой коробочки, валявшейся рядом. – Лысый песец! Это же... песееец как впечатляюще!

Я уставилась на подленько хихикающий предмет и утробно зарычала.

– Это второе ваше условие! – всё также радостно сообщил Агент, но любые объяснения сейчас были лишними.

Козе понятно, что это мой загаданный «сундучок со сказками», и, судя по ехидному голосу, внутри сидит тот самый Кузя. Если с шубой вышла лажа, то секреты сундучка даже страшно представить.

– Между прочим, моё согласие было сарказмом, – буркнула я, пытаясь себя осмотреть. Мрак! – Я же думала, вы – просто безобидный дурачок. Старалась вас не обидеть.

– Ну спасибо, – фыркнул он, недовольно скривившись.

Меня же его реакция всерьёз разозлила:

– Нечего тут обиженку из себя строить! Сейчас это моя мохнатая прерогатива. Радуйтесь, что вы не покусаны за содеянное. Лучше скажите, как мне теперь из этой белой шубы вылезти? Я же, насколько помню, сдуру вечную попросила?

Агент на миг задумался, но быстро нашёл ответ.

– Анфиса, это лишь шубка. Вы вольны снимать и надевать её по своему желанию, как любой другой предмет гардероба. Признаться, в ней вы особенно очаровательны. Руки так и чешутся почесать за ушком, – улыбнулся Агент, в глазах которого сияло желание осуществить сказанное.

Я зарычала, и Тимий тут же сделал вид, что разминает затёкшую кисть.

– Как. Её. Снимать?

– Понятия не имею. Раз захотели надеть, попробуйте пожелать снять, – посоветовал Агент.

Укусить его, что ли? Чисто из вредности. Чтобы нормальные советы давал.

Пожелать… Там была шуба, а тут будет кожа? Гадость какая.

– А почему я тогда разговариваю по-человечески?

– Потому что в выставленном условии не было ни слова про полноценное превращение в зверя. Как видите, я учёл все ваши пожелания, – педантично изложил свою позицию этот гад. – Теперь у вас новый дом, дворянский титул, новый мир, где вы вольны творить свою судьбу.

– Дворянский титул? – удивилась я, вычленив главную мысль.

– Да. Это было вашим желанием. С этой минуты вы – баронесса Анфиса Фоксигранд – законная владелица этого старого особняка. Здесь документ, подтверждающий право собственности на него, и ваша новая родословная. – Мужчина протянул искусно перевязанные свитки. – Он станет идеальным местом для воплощения вашей мечты.

– Фоксигранд. Слышала бы бабуля, – фыркнула я. – А кому дом принадлежал до меня?

– Барону Семину Фоксигранду – последнему хранителю местной Пограничной заставы. Пару лет назад он почил, и мы решили не упускать случая, чтобы… – И тут Тимий мгновенно осёкся, услышав зловещий скрежет моих зубов.

Глава 3

Так вот кто приложил свои руки к отказу Банка и появлению козла-бывшего! Ну, БДСМщики недоделанные! С меня «должок» с процентами. Как бизнесмен я за принцип равенства сторон в договорных отношениях.

– Анфиса, я понимаю ваши чувства, но у меня не было выбора. Мне пришлось немного подстегнуть процесс, но ничего плохого в итоге не произошло, даже наоборот, – зачастил Агент, осторожно пятясь от меня.

– Правда? – опасно зарычала я, медленно двигаясь в его сторону. – Если не считать того, что вы украли у меня мечту за минуту до её осуществления, то да, ничего не произошло. Вы – сама невинность!

– Никто у вас мечту не отбирал! Ваш бывший супруг так и не смог простить вам, что вы от него ушли. Он узнал о планах на открытие гостиницы и решил жестоко отомстить. Нам пришлось вмешаться и похитить вас буквально у него из-под носа. Вы слишком ценны для нас, для Альтерии и её будущего. Так что ваши упрёки не совсем справедливы, хотя и имеют под собой некое эмоциональное основание.

Моё сердце от этих слов болезненно сжалось, взгляд потух, голова поникла. Тоска и горечь затопили душу. Знала ведь, что доверять нельзя никому, но так увлеклась мечтой, что забылась…

– Не стоит предаваться унынию, Анфиса, – сочувственно произнёс Агент. – Здесь вам никто не помешает осуществить свою мечту. Хотите построить шикарный Гостиный Двор? Так постройте его. Деньги у вас будут. Мы же сделаем всё возможное, чтобы Альтерия стала для вас родной. Но если вы очень хотите вернуться...

– После того, что вы сейчас рассказали? – горько усмехнулась я. – Нет. Да и не к кому. В погоне за сказкой…

– Ты в неё и попала! – перебил меня вредный, молчавший до этого сундучок. – Чего страдаешь? Ей жизнь новую предложили, а она сопли размазывать собралась. Как твой дед говорил бабушке, помнишь? Не ахай и не охай – всем по…!

– Кузя! – оборвала я словоохотливого комментатора, мгновенно вырвавшись из плена страданий. – Ты какой-то неправильный домовой! И, кстати, ты откуда про моих дедов знаешь?!

– Так я ж ваш родной, если ты ещё не поняла! Как говориться, с кем поведёшься, так тебе и надо! – парировал домовой, хихикая. – Да к твоему сведению, я до этого в твоём доме бок о бок с тобой жил, следил да помогал незамеченный! А до этого верой и правдой твоим прабабке и бабке служил. Марфа меня, когда вы её в город из деревенского дома забирали, с собой позвала. А сюда этот вон… в коробке перенёс. Так что мы теперь с тобой вместе будем! Всегда! Вон, гляди, у тебя на лице улыбка прорезается.

– Это оскал! – буркнула я и, окончательно взяв себя в ру-

ки, подняла взгляд на Агента.

Тот натянуто улыбнулся и подытожил:

– В любом случае, Контракт с Бюро заключён, Анфиса.

– Интересные у вас там способы заключения договоров, словесные. А мы в России люди прагматичные, словам не верим, хотя... – тут я замялась, вспомнив, как дед любил повторять, – по пословицам и поговоркам живём чаще, чем по закону. Да и сам Контракт, кстати, вы мне не показали, – включился мой внутренний скептик. – Хотелось бы увидеть, что в нём написано самым мелким шрифтом.

Глаза Агента забегали, но красивыми словами он попытался сбить мой боевой настрой.

– В ближайшее время вы ознакомитесь с Договором. Поверьте, в нём нет ничего страшного. Вас переместили только с благими целями: осуществить свою мечту и помочь людям вновь вспомнить себя.

Ох, сколько красивых слов.

Эмоциональное цунами быстро успокаивалось. Ему на смену возвращался мой коронный циник.

– Там ещё что-то было про возвращение магии, – ухмыляясь, припомнила я Тимию его слова в моём кабинете.

– Ах, это… – Агент выдавил неискреннюю улыбку. – Да, есть такая проблема, но это вопрос Бюро. Не обременяйте себя этим. Лелейте свою мечту!

– Не заговаривайте мне зубы! – рявкнула я, прожигая его взглядом. Слишком красиво вещал Агент. Слишком, чтобы

не веять опасностью. Тревога вгрызалась в душу. – Рассказывайте всё и с самого начала.

Агент покорно кивнул, начиная свой рассказ.

Глава 4

– Я уже говорил, что этот мир называется Альтерия. Здесь имперская Россия выбрала не свой путь. Здесь она Альтеруссия. Город, в котором вы будете жить, называется Володар. Местные ласково называют его Волошка. Когда-то здесь пели былины, баяли сказки, а сейчас люди говорят на смеси языков, носят чуждые одежды и уже не помнят, как звучит настоящая русская речь. Они забыли, что значит – быть собой. Волхвы – хранители древнего знания – практически исчезли, а те, кто остались –, почти потеряли свою силу. Пришли новые порядки, волхвов объявили еретиками, и власть перешла к знати. Древняя магия Руси угасает, потому что забыты заветы предков. Но надежда есть, – Тимий провёл большим пальцем по поверхности кристалла, в глубинах которого вспыхнул потускневший образ города, и протянул его мне. Я заглянула в артефакт. Там шевелились тени невысоких башен с облупившейся позолотой. Где-то вдалеке – купола, похожие на луковицы, но их почти не видно за новомодными шпилями. – Володар стоит на границе государства, здесь сходится много дорог. Здесь же лежит и ключ к возрождению Альтеруссии.

Я недоверчиво прищурилась и повела мохнатым носом.

– Недавно соседи Володара открыли месторождение купорта – очень нужного для процветания Альтеруссии. Нуж-

ны договорённости, встречи, переговоры. Но кто и где встретит тех, кто принесёт ей богатство? Кто создаст сияющую жемчужину гостеприимства, способную пленить сердца даже самых утончённых аристократов? Здесь нужен тот, кто сможет поразить гостей в самое сердце, чтобы они мечтали вести переговоры только на русской земле. А это, сами понимаете, неоспоримое преимущество в торговле. И когда торговцы повезут через этот город свой купорт, они повезут и слухи – о месте, где путников кормят не только хлебом, но и сказкой.

Мой хвост нервно дёрнулся. Я нахмурилась. Слишком красиво, чтобы не ждать подлянки.

– Вы способны увидеть красоту сквозь пыль веков, найти дверь там, где другие видят лишь неприступную стену. Создавать уют из рухляди – разве это не дар? – Его глаза странно блеснули. – Чтобы сотворить чудо из этого старинного особняка, нужна не фея с волшебной палочкой, а хозяйка. Та, что разбудит этот величественный дом, а вместе с ним и город, ото сна. Вы здесь, чтобы воплотить свою мечту, Анфиса.

Сердце трепетно забилось от возрождённой надежды.

– Вы будете их первой легендой. Той, что пришла без страха. Той, чей камин будет первым, где проснётся огонь, и последним, где погаснет свет.

От этих красивых слов я почти растаяла. Почти. Деловая жизнь убила романтику на корню. Но что-то внутри всё-таки

ёкнуло.

– Значит, я тут типа Золушки с бизнес-планом? Обалденные перспективы. Но как это связано с возвращением магии? – скептически осведомилась я, возвращая беседу в нужное мне русло.

– Всему своё время, Анфиса, – загадочно подмигнул Агент. – Ваша основная задача – напомнить людям об их родных корнях, культуре, традициях. А магия постепенно вернётся сама. Занимайтесь пока гостиницей, здание у вас есть.

Точно! Я ж теперь владелица самого настоящего особняка, и даже без ипотеки! В этих разборках из головы вылетело самое главное – узнать, чем же меня облагодетельствовали вселенские БЮРОкраты? Я поднялась и осторожно пошла осматриваться.

Увиденное не то чтобы повергло меня в уныние, но и не порадовало.

Особняк встретил меня величественным запустением. В прихожей мраморный пол покрывала паутина трещин, будто кто-то в ярости бил по нему кузнечным молотом. По стенам, некогда украшенным золотой лепниной, теперь ползли жёлтые потёки сырости. В глубине зала зиял огромный камин с почерневшими камнями – точь-в-точь как в моих мечтах, только вместо романтичного потрескивания поленьев – горстка мёртвого пепла.

Хрустальная люстра, потерявшая половину подвесок, ка-

чалась на сквозняке, словно старый музыкальный инструмент, тихо позванивающий в такт. Её тень плясала по стенам, оживляя причудливые узоры на потолке – то ли ангелов, то ли демонов, уже невозможно было разобрать. А воздух пах старыми винами, воском и чем-то кислым – будто само здание вздыхало о былой роскоши.

Сквозь разбитые витражи пробивались косые лучи, рисуя на полу призрачные узоры. Где-то наверху жалобно скрипели колыхаемые ветром оконные рамы, будто дом стонал во сне.

И самое удивительное, что всё это безобразие почему-то показалось мне уютным. Может, потому что оно было настоящим? Не вылизанной декорацией с «евроремонтом», а местом, где когда-то бурлила жизнь, кипели страсти и звучал смех.

– Зато просторно. И... э-э-э... аутентично! – подвела я оптимистичный итог, стараясь не замечать удручающего вида руин.

– О! Это ты ещё не всё видела! – раздался из сундучка жизнерадостный голос Кузи. – Пока вы тут лясы точили, я успел обежать наше новое «поместье». Что я тебе, голубушка, доложить хочу, двор ты получила от нашей золотой рыбки – будь здоров! Главное, чтобы твоего здоровья на него хватило. Три этажа, двенадцать комнат, половина из которых, правда, держатся на добром слове. Полы наверху скрипят, как старый дед на лавочке, крыша вот-вот обнимет зем-

лю в любовном порыве, а погреб, то есть подвал… Это просто мечта старьёвщика! Да густой лес позади двора – чтоб гости чувствовали себя, как в сказке. Правда, в той, где Баба-Яга против. Так что, радуйся, с твоим деятельным характером ты без дела не останешься.

– Против чего?

– Ремонта, – хихикнул сундучок.

Я икнула и с подозрением поинтересовалась у Агента:

– Исходя из услышанного, мне придётся наводить порядок своими ручками?

Тимий кивнул.

– Ты сама себе чаровница, и не с таким справлялась! Помнишь, как вы с дедами их дом после пожара восстанавливали? Силой твоего духа можно только восхищаться! – ободряюще раздалось из сундучка. – Как твой дед говаривал? «Кто духом пал, тот пропал».

– Это да! – саркастически фыркнула я, немного подобрев от воспоминаний. – А если принять мою особую любовь к уборке, то это счастливое приобретение называется «Не было печали, купила баба порося».

И тут воздух дрогнул, словно Вселенная чихнула в ответ...

Глава 5

Если я что-то и хотела сказать, то резко передумала.

Вдруг, откуда ни возьмись, раздалось испуганное «ХРЮ!». Из рваной дыры портьеры, словно розовый снаряд, выкатился маленький поросёнок. Шмякнувшись на пол, он тут же вскочил на тоненькие, дрожащие ножки. Чёрные глазки-бусинки в панике заметались по сторонам. Обведя меня ошарашенным взглядом, он фыркнул и… завизжал так пронзительно, что старая люстра над головой жалобно зазвенела.

– ЧТО ЭТО?! – взревела я, чувствуя, как шерсть на загривке встала дыбом, а клыки угрожающе оскалились. – ОТКУДА ОНО ВЗЯЛОСЬ?

Тимий, ошарашенный не меньше моего, лишь беспомощно развёл руками.

– Честно говоря, понятия не имею. Мог бы предположить, что это проделки местной магии, но её здесь слишком мало для таких фокусов. Возможно, Бюро решило таким экстравагантным способом компенсировать вам некоторые… эээ… неудобства?

– Свинью подложить? В буквальном смысле? – возмущённо возопила я. – Спасибо, что не коровой расплатились!

– Спорное решение… – тихо вклинился практичный домовой.

Поросёнок, тем временем, решил, что я – самое страшное чудовище в этой комнате (ну, ладно, лохматый белый монстр с острыми зубами – вполне справедливо), и бросился наутёк. Но, поскользнувшись на пыльном мраморе, кубарем покатился по полу и со всего маху врезался пятачком в подпирающее стол бревно.

– Ой, ёёёй… – сочувственно прошептал Кузя.

Поросёнок замер. Медленно поднял голову и закатил глазки. Его тоненькие ножки предательски подкосились, и мелкий свин с тихим предсмертным хрюканьем рухнул на бок.

– Он… убился?! – прошептала я в ужасе.

– Да нет, просто в обмороке, – фыркнул Кузя. – Ты ж его до полусмерти напугала.

– Я?! – моему изумлению не было предела.

– Ну, не мы же. Ты себя в зеркало видела, морда мохнатая? – огрызнулся домовой.

Я бросила взгляд на своё отражение, потом на молчаливого Агента, но тот, к моему неудовольствию, был полностью солидарен с Кузей. Гад.

– И что ты предлагаешь, умник? – невольно закипая, процедила я, обращаясь к вредному домовому.

– Обратись в человека и успокой эту хрюкающую мелочь, – флегматично предложил Кузя, окончательно выводя меня из себя.

– Ой! Я сейчас помру со смеху! Может, тогда скажешь,

КАК??

– Пожелай, – фыркнул домовой. – Ты же волшебная, или где?

– Пожелать? Да пожалуйста! Хочу обратно стать человеком! – и, на всякий случай, добавила: – Сим-салабим-ахалай-махалай!

Даже зажмурилась в ожидании чуда, но ехидный смех Кузи дал понять, что ничего не изменилось.

– Тогда трах-тибидох, тибидох!

– Не поможет, ты волосок не выдернула, – ядовито прокомментировал домовой, не упуская возможности подколоть.

Блин, точно. С этими лапищами это не вариант. Что же делать? Сдаваться я не собираюсь и сниму эту шкуру, чего бы мне это ни стоило!

– Сивка-бурка! Так, это не то. По щучьему веленью, по моему хотенью!

С каждым словом глаза наблюдающего за моими интеллектуальными потугами Агента увеличивались, а смех Кузи усиливался.

– Ты б сначала щуку что ли изловила, желательница!

– Весело? – сердито рявкнула я. – Тогда сам сделай!

Смех домового затих, и в тишине сказочно-обволакивающим голосом раздалось:

– Песцова, будь человеком!

Моё сознание на мгновение померкло.

Проморгавшись, обнаружила себя сидящей на пыльном полу в том самом деловом костюме, в котором меня забросило в этот безумный мир. Хорошо, не в костюме прародительницы Евы.

Вот, значит, как… То есть Кузя не только мой помощник, но и мой… перевоплотитель? Потрясающе. Как бы сейчас от радости не сорваться на бурные словесные аплодисменты, попутно обложив Кузеньку комплиментами?

Но высказать всё, что я думаю по этому поводу, мне не удалось. Тимий меня опередил:

– Анфиса, позвольте вас ненадолго покинуть, – он явно нервничал, а мой хмурый взгляд заставил его даже слегка опешить. – Мне нужно доложить Бюро, что вы прибыли. Я скоро вернусь – с ответами и Контрактом.

Вместо ответа я угрожающе сверкнула глазами и попыталась грациозно подняться. Вот только тонкие шпильки и пыльные мраморные полы этому мало способствовали.

Агент галантно протянул мне руку, а я её с величественным достоинством приняла. Иначе не факт, что не растянулась бы, как лежащий под столом поросёнок.

– Стоп. У меня осталось много вопросов. Например, где обещанные деньги?

– Позади вас, на диванчике, в мешочке.

– Следующий. Когда я увижу договор на бумаге?

– На бумаге? – явно опешил от моего вопроса агент. – Ах, да. В вашем мире любят бумажную бюрократию. В БД-

СМ в рамках борьбы с ней перешли на систему МВД – магически-визуальный документооборот. Очень наглядно, между прочим. А вот так выглядит ваш контракт. Он находится в канцелярии Бюро.

Тимий щёлкнул пальцами, и перед моим лицом вспыхнула золотистая голограмма, написанная каллиграфическим шрифтом.

– Бюро, борющееся с бюрократией! Тут главное в процессе борьбы не побороть самих себя! – съязвила я, дотошно вглядываясь в текст на переливающейся голограмме, но он, как скользкий угорь, ускользал от моего взгляда. – Что за система МэВэДэ? Картинка красивая, как годовой отчёт перед населением, а гарантий соблюдения договора никаких. Или у вас, как говорится, когда обманут, тогда и приходите? – возмущалась я, тыкая пальцем в яркую иллюзию. – Никакая магия настоящих документов не заменит. Что написано пером, того не вырубишь топором.

И тут я неожиданно и резко чихнула прямо на «документ». Он вспыхнул, и буквы, меняясь местами, заскакали испуганными кузнечиками.

Мы с агентом с замиранием смотрели на происходящее, в страхе ожидая финала. Он нас впечатлил не меньше: невесть откуда взявшийся огромный голографический топор с гравировкой «МВД-БДСМ» эффектно разрубил мой договор с Бюро. Иллюзия обиженно рассыпалась мини-фейерверком и растворилась в пространстве.

Кроме русского народного «убиться лбом об валенок!» на ум ничего не приходило, но произнести это вслух я не решилась. У агента, судя по отвисшей челюсти, тоже слов не было.

– М-дааа, – наконец протянула я, почёсывая висок. – Один ноль в пользу натурального листа бумаги. Даже комментировать не буду. С нетерпением жду физический документ. Хоть на бересте писаный. А то я не только местным напомню о родной культуре, но и вам проверенными веками рецептами мозги прочищу.

Ошарашенный агент коротко кивнул и, бросив «если что, спрашивайте», растворился, словно в тумане.

– У кого тут спрашивать-то?

– Хотя бы у меня, – весело откликнулся домовой. – Я всё-таки многовековой и весьма опытный дух-хранитель, меховушечка моя драгоценная!

Я взяла говорящий сундучок в руки, подняла его на уровень глаз и от избытка новых эмоций ласково потёрлась о сундучок носом. Домовой захихикал, словно его щекочут.

– Как хорошо, Кузя, что ты рядом оказался. Без тебя мне совсем одиноко тут было бы. И страшно. Мир-то новый. А так хоть совет какой дашь, подскажешь… Возможно, даже расскажешь, как так легко меня в человека обернул, – многозначительно прищурилась я.

Домовой кхекнул и словно с неохотой ответил:

– Я могу помогать только, когда ты вслух просишь. Таковы традиции, – моему удивлению не было предела. И хоть бы

сказал!

Из груди вырвался грустный вздох. Спорить с традициями глупо, а ругаться с домовым ещё глупее. Поэтому, ласково погладив крышечку сундучка, я тепло произнесла:

– Благодарю, Кузя! Ты моё сокровище. И я очень рада, что мы можем с тобой общаться.

– А я-то как рад, что ты меня слышать теперь можешь, – довольно проворчал домовой. – Хотя, признаться, хорошо, что до этого не слышала.

– Это почему же? – опешила я.

– Да там в основном была оценка твоего… гм… ума и сообразительности. Так что не переживай, много не потеряла. Ты с тех пор и правда поумнела. Сейчас уже и поговорить с тобой можно, и поворчать по-стариковски, – я счастливо фыркнула и игриво щёлкнула коробочку пальцем. – Кстати, вон и наш Пятачок очнулся. Новое место жительства осматривает.

Пятачок согласно хрюкнул и ткнулся носом в щель старого кресла.

– Ну вот, – зевнула я. – Теперь ещё и свинью приручать. Интересно, откуда он тут взялся?

– Разве это важно? Главное, что с таким даром мы хозяйство заведём задаром! – хихикнул Кузя. – Ты лучше обратно шубку натяни да отдохни с устатку-то. Вон сколько нервов тебе вымотали сегодня, хоть кафтан вяжи. В твоей одёже и прилечь тут негде. Пыль да грязь. А шубку отряхнуть можно.

Знать бы ещё, как обернуться.

Ласковая забота домового тронула за душу. Тело словно услышало, и меня окатило неимоверной усталостью. Сознание поглощала сонливость. Может, и впрямь чуточку поспать?

Я вздохнула и тихо попросила:

– Кузь, помоги, а? Сама я потом научусь.

В ответ в лицо пахнуло чем-то хвойным и свежим, и я отключилась.

Глава 6

Глаза я открыла в позе, которую мой дед метко называл «солдатский сон»: лежу на спине, задние конечности раскиданы, как у пьяного тушкана после свадьбы лучшего друга. Передние лапы чинно сложены на животе – точь-в-точь, как бывало у деда после третьей стопки и тарелки щей с пампушками. Хвост же скромно прикрывает «стратегический объект», будто стыдливый передничек. А язык… Мама дорогая! Он, предатель, вывалился, обветрился и теперь торчит, как вымпел на заброшенном фрегате.

– Проснулась, песчинка моя? – раздался ехидный голос из сундучка.

Я попыталась ответить, но получилось лишь: «Мррфкхх». Проклятый язык не слушался.

– Фисец, – выдавила я, пытаясь встать на собственные лапы и о них же спотыкаясь. – Ф следуюсий рас буду сспать в намовднике.

Пока я боролась с речевым аппаратом, Кузя деловито докладывал:

– Пока ты дрыхла, свинке место пристроил, планов громадье набросал. Кстати, не худо бы к речке наведаться, проверить, откуда животинка взялась. А вдруг она потеряшка? Хозяин небось поседел, ищет.

– Ага, ветра в поле! – фыркнула я, чувствуя, как язык по-

степенно обретает послушание. Но что-то в словах домового кольнуло: – С чего вдруг к реке?

– А где ж ещё хозяина потерянной живности искать? – Кузя хитро прищёлкнул языком. – Как говорится, без труда…

– Не вытащишь и рыбку из пруда, – машинально закончила я поговорку.

И в тот же миг, словно в преддверии грозы, пахнуло озоном, и прямо передо мной шлёпнулась, забилась живая, серебристая рыбина.

От неожиданности я чуть не рухнула на спину, пытаясь отползти от извивающегося чуда.

– Говорю ж, кладезь неожиданностей ты наш, Фиска! То свинья, то рыба из воздуха являются! – с едва уловимой интригой промурлыкал домовой.

Я же, забыв все слова, пялилась на бьющего хвостом карася.

– Кууууузь, что-то мне страшно. Это часом не какая-нибудь волшебница водоплавающая?

– Вряд ли. Ни жабр золотых, ни глаз изумрудных... Обычная речная. Хотя... – Он сделал паузу, смакуя момент. – А как она сюда попала, интересно?

– Сама из речки запрыгнула, – ехидно уточнила я, внутренне борясь с испугом.

– Скорее, выползла из леса за домом, – ковырнул Кузя. – Там, поди, их пруд пруди.

– Издеваешься?

– Я? – делано изумился помощничек. – Ни в одном глазу! Просто как-то многовато «случайностей» для одного утра, тебе не кажется?

В его голосе отчётливо слышались дедовы нотки: «А если подумать, внучка?».

И я подумала. Рыба. Поросёнок. И странное покалывание на кончиках ушей. Что-то в этой ситуации было… до боли знакомое. И поросёнок, и карась появились после… пословицы!

– КУЗЯ!!! – взревела я. – Ты знал, да?! Знал и молчал!!!

– Ты о чём, Фисечка? – включил «дурачка» домовой.

– Об эффекте, что пословицы производят! Это я тут ими, что ли, живность призывала, да?

– А сама что думаешь? – с хитринкой поинтересовался домовой.

– Что вы с дедом моим ночами друг с другом привычками обменивались! – огрызнулась я. – Чего тут думать? Ясно как день! Произнесла «без труда» – и вот тебе рыба. Сказала «не было печали» – и тут же поросёнок. Это что, какая-то… магия? А Агент говорил, что её здесь нет! Тогда как эти пословицы сработали?

Домовой тяжело вздохнул и, после долгой паузы, заговорил тихо и серьёзно:

– Ты думаешь, магия – это заумные ритуалы да пыльные свитки? Нет, лапушка. Их магия – та, что сейчас в моде, заграничная, на чужой лад выстроенная – она лишь пыль в гла-

за пускает. А твоя – она мудрая, сердцем греет. Ты ведь дочь народа, у которого слово крепче стали, сказки древнее любых заморских баек, а упрямство такое, что никакая чужая мода не сломит.

– По-твоему, наши присказки сильнее их чар? – усомнилась я.

– Да. Твоя сила – это солнце, которое забыло, что оно – солнце. Ты – хозяйка Слова. Вспоминаешь про «тридевятое царство» – и открываешь дверь в то, что было забыто. Пожаловалась на печаль – вот тебе Пятачок для веселья. Ты и представить себе не можешь, какая мощь дремлет в тебе, пока не осознаешь: твои слова – не просто звук, они – сама суть бытия, закон, не подлежащий отмене. Их артефакты меркнут, а твоя сила – растёт! Потому что живёт она не в книгах пыльных, за семью печатями, а в бабушкиных сказках да дедовых прибаутках, что ты в детстве слышала да мимо ушей пропускала. А ведь они ими лечили, от хвори избавляли, от беды оберегали. Поговорки – не просто слова, касатушка моя. Они – ключики от всех дверей, что пока ещё скрыты от глаз твоих. Ты – русская душа, по твоим венам бежит древняя мудрая кровь. А это, голубушка, не только самое крепкое заклятье, но и самый мощный оберег!

Мои губы задрожали. Горячие слёзы, неожиданные и жгучие, потекли по щекам, оставляя блестящие дорожки в густой песцовой шерсти. Я хотела что-то сказать, но в горле встал ком – плотный, тёплый, как бабушкины руки, обни-

мавшие меня в далёком детстве.

– Но если это правда… Почему я не замечала раньше? Почему мама, бабушка, дед… Они тоже… – прошептала я наконец, и мой голос звучал незнакомо – будто из самой глубины, где спали мои забытые корни.

– Тоже… Но сила просыпается только в нужном месте, в нужное время, детка.

В груди расцвело что-то нежное и мощное, как первый весенний росток, пробивающийся сквозь промёрзшую землю. Вспомнилась бабушка, читающая сказки у тёплой печи; ворчание деда, вытирающего пот после работы: «Терпенье и труд…» – и его ласковый прищур. Теперь-то я понимала: он учил и умалчивал, потому что знал – я сама закончу. И перетру. Всплыли в памяти мамины руки, завязывающие платок «на счастье» перед контрольной в школе, папина привычка надевать наизнанку майку на важные встречи… Мелочи. Обычные, земные, родные.

И теперь – вот оно. Оказывается, все это время я носила в себе не просто память. Настоящую магию.

Мои пальцы (лапы? руки? уже неважно) непроизвольно сжимались в кулаки, словно пытаясь ухватить невидимые нити, связывающие меня с чем-то огромным и древним.

– Так вот почему… – наконец выдавила я. – …у меня всегда получалось «случайно» находить потерянное, когда я бормотала: «Домовой, домовой, поиграл и отдай!»? Или страхи исчезали, стоило мне крепко выругаться?

Улыбка домового буквально слышалась в тишине:

– Ну, конечно, глупышка. Ты же русская. У нас даже ругань – волшебная. Но ею пользоваться уметь надобно: она и лечит, и калечит, не всякий с такой силой управится. Она уж больно мощная.

Я подняла лапу и увидела – шерсть на ней светится едва уловимым золотистым сиянием. Словно сотни невидимых нитей тянулись от меня к каждому предмету в комнате, к самому воздуху…

И я рассмеялась – искренне, по-детски, сквозь слёзы. Смеялась над собой, над этой нелепостью, над тем, что самая мощная сила в моей жизни оказалась спрятана в простых словах, которые я слышала с пелёнок.

И где-то в глубине души, тихо и нерушимо, что-то зацвело.

Вдруг сундучок Кузи распахнулся, и на свет появилась старая книга с резным орнаментом.

На обложке криво выведено: «Русские пословицы. Без надобности не применять».

– Думаешь, ты первая? – хмыкнул он. – Читай, внучка. Только учти: некоторые страницы… кусаются.

Глава 7

– Хочу тебя видеть, Кузь! – тихо, но эмоционально попросила я. – Ну это, как там... «На ловца и домовой бежит».

– Да ты хоть пословицу правильно скажи, – буркнул домовой, но его туманный контур уже проступал в воздухе.

– На ловца и… – мысли запутались на секунду, но я вспомнила продолжение и счастливо выпалила: – Зверь бежит!

Воздух дрогнул. Из-за сундука, кряхтя, вышел мой самый настоящий… родовой Кузя.

Кряжистый, но подтянутый, словно молодой дубок, он стоял, уперев руки в бока, и в каждом его движении чувствовалась неспешная, вековая мудрость. Улыбчивое лицо – словно печёное яблоко, испещрённое паутинкой морщин, с широким, добродушным носом-картошкой. Из-под густых, мохнатых бровей поблёскивали глазки-угольки – живые, с лукавинкой, будто два тлеющих уголька в глубине русской печи.

Борода его была истинным произведением искусства – окладистая, серебристая, как лунный свет. Казалось, каждый волосок хранил в себе отголоски былого.

Облачён он был в кафтан с широкими рукавами из домотканого алого сукна, украшенный по краям обережными узорами. Штаны заправлены в сапоги из мягчайшей кожи,

натёртой до зеркального блеска. На голове красовалась шапка-грешневик, лихо сдвинутая набок, обнажая левое ухо. Бабушка рассказывала, что так домовые показывают, что изба обжита и любима. За поясом торчала резная деревянная ложка, словно намёк на воспитательные меры, а за спиной гордо топорщился пучок душистой защитной соломы.

Домовой шагнул вперёд, и меня окатило волной ароматов: тёплый хлеб, сушёные яблоки и что-то до боли родное, щемящее сердце – будто само детство повеяло в лицо. Его пальцы – аккуратные, с заботливо подстриженными коготками – нервно перебирали пояс, вышитый алыми петухами, оберегающими от нечистой силы.

Но главное – его глаза.

В них отражалась вся многовековая мудрость рода. Правый – янтарный, с сетью весёлых лучиков-морщинок – в нём жили все бабушкины сказки, все предания старины глубокой. Левый – чуть темнее, с серьёзной искоркой – хранил в себе строгость дедовских наказов, незыблемые правила жизни.

Когда он ухмыльнулся, вокруг стало светлее – будто кто-то подбросил хвороста в печь. А потом он чихнул, и с его шапки посыпалась светящаяся пыльца – крошечные, светящиеся крупинки, которые тут же сложились в нехитрую, но такую родную пословицу: «В гостях хорошо, а дома лучше».

Это был не просто дух дома.

Это было – само русское гостеприимство, воплощённое в

образе мудрого, добродушного старичка.

– Ну, вот и свиделись, Анфиса, – раздался его голос, в котором смешались и ворчливость печной заслонки, и мягкость душистого каравая.

– Здравствуй, Кузя! – Мои губы сами растянулись в улыбке. – Какой ты…

– Какой же? – прищурился домовой, и в его глазах заплясали озорные искорки.

– Красивый! И почтенный! – восхитилась я. – С сегодняшнего дня только Кузьма Кузьмич!

Домовой засмеялся, но кивнул. Было видно, что мои слова пришлись ему по душе.

– Ладно уж, коль такому почёту быть, – покряхтел он. – Но запомни, при посторонних имя моё не поминай, что бы ни случилось. Я и так тенью за тобой хожу. Да ты и сама сердцем почуешь. А теперь, хозяюшка, ступай в город, вдохни его воздух, понюхай новую жизнь. Я пока тут… поколдую, придумаю, чем тебя на ужин побаловать, чтоб голодной не осталась, – ворчливо напутствовал меня домовой. – Что выбираешь, ненаглядная: поросятину, томлёную под старым тряпьём, или рыбу, настоянную на запахе древней пыли?

Я оторопела от такого «меню».

– На твоё усмотрение. Ты лучше научи обращаться. Если меня в мохнатом обличье словят, выбор не велик будет: либо чучелом чью-нибудь жилплощадь украшать стану, либо на центральной площади экспонатом трогательного зоопар-

ка подрабатывать.

– В чужой шкуре неудобно, зато быстро бегается, – подмигнул Кузьма. – Думал, сама смекнёшь, да вижу – пока туговато. Ладно, по возвращении научу. А пока твоя шубка тебе только на руку. Через заднюю калитку выйдешь, да сторонкой иди, чтоб без лишних глаз. Мало ли какие тут обычаи да люди.

– Может, не надо, а… – жалобно протянула я, пытаясь зацепиться за соломинку надежды. – Может, до следующего утра повременим? Утро, оно ведь вечера мудренее. Должно быть… Наверное… Чего-то мне боязно, Кузь. Место-то новое. Да и вдруг я от стресса пословицу нужную не вспомню?

– Волка бояться – от белки бежать, – отрезал домовой, пресекая мои колебания. – Новое… Вот и знакомься! Что на ум взбредёт, тем недругов и бей. Пословицы не богами писаны, а людьми сложены. И великую силу имеют, потому как народным бытом да мудростью напитаны. Поговорка она по сути работает, а не по словам. Это тебе не иноземные заклятья, латынью писанные: чуть не то сказал и сам лягушка.

Я сердито зыркнула на Кузьму, но перечить не стала. Вспомнила бабушкину присказку: «Где страх, там и крах», набрала в грудь побольше воздуха и решительно двинулась к двери.

– Но если меня поймают, – мстительно пригрозила я, – будешь следующие сто лет разговаривать сам с собой.

– Добро, – кивнул Кузя и тут же язвительно добавил: –

Только помни: если увидишь мясника – ноги в зубы и беги без оглядки.

– Почему?

– Ну... на всякий случай.

Вот же… не домовой, а родовой! Просто копия деда: вроде и заботится, а слова подбирает такие, что хоть святых выноси. Сразу видно – семейный дух-хранитель.

Демонстративно клацнув зубами, я гордо задрала хвост и под ехидное хихиканье вышла из дома.

Увиденное меня поразило. Двор был завален мусором и всяким хламом, трава стояла некошеной стеной, а деревья словно забыли, что такое уход и забота. Ну, БДСМщики, минус вам в карму! Правильное вы себе там название подобрали. Подходящее.

Через такие препоны к мечте! В мозгу сразу зачастили планы наведения порядка, но пришлось резко тряхнуть головой и направиться на «задание» без лишних мыслей.

Я отыскала небольшую калитку и осторожно выскользнула за стены своего нового дома.

Володар встретил меня терпким коктейлем запахов – дымом из кривых труб, перегоревшим маслом харчевни «У лысого Волка» и кисловатым духом мокрой соломы, валявшейся под ногами. Узкая улица сжималась, как горло жадины, между двумя рядами домов, которые, казалось, вот-вот рухнут, но почему-то всё ещё стоят. То ли от упрямства, то ли просто некуда падать.

Под ногами хлюпало месиво из грязи, навоза и чьих-то растоптанных надежд. Не мостовая – памятник человеческому безразличию.

При всём этом в воздухе висело упрямое, злое жизнелюбие.

Мужики в рваных кафтанах, но с орденами на груди, ковыляли в кабак, над дверью которого болталась вывеска с невнятным изображением – то ли волка, то ли его первого хозяина. Женщины, перекрикиваясь через улицу, обсуждали цены на соль и достоинства соседских мужей с одинаковым азартом. Дети носились стайками, играя в «контрабандистов и стражников» – видимо, единственное развлечение в этом унылом месте.

И мой новый старый дом торчал на краю этого кошмара, как пьяный часовой.

Ну, здравствуй, Володар.

Город, где магия практически исчезла.

Город, который живёт назло всем.

Город, который теперь стал и моим.

Глава 8

Тряхнув белой мохнатой головой, я осторожно двинулась вдоль улицы. Идти в зверином облике мне пришлось впервые, поэтому старалась быть незаметной. Вдруг придётся бежать, а я ещё ходить-то нормально на четырёх лапах не научилась.

И тут меня осенила гениальная идея – пробираться сквозь кусты вдоль заборов. Поначалу она казалась блестящей, но минут через десять до меня дошло, что мех – не панацея от колючих веток, а лапы, лишённые обуви, так же остро чувствуют каждый камешек, как и человеческие ноги. В общем, копилка впечатлений пополнялась, палитра эмоций расцветала, а поток брани и ругательств застыл на самом краешке языка, словно атлет по последней команде: «На старт! Внимание…».

В довершение к исцарапанным лапам и исколотым бокам, в нос ударили незнакомые, резкие запахи. Чего там только не было! Ароматы пищи, других зверей (откуда я это знаю, даже думать страшно), и о, этот божественный запах навоза, который по проведённому в деревне детству я узнаю из тысячи. В общем, свербящий букет в носу бил по черепу всем своим богатством сразу и наотмашь.

Я заглядывала в щели заборов, убеждаясь, что в городке живёт простой люд, до которого местному Императору и его

правым и левым рукам и ногам дела нет. Как, собственно, и люду до них.

«Эта гармония соблюдается во всех мирах и во все времена», – мысленно усмехнулась я.

В какой-то момент кажущиеся нескончаемыми заборы, наконец, закончились, и я, обо что-то неудачно споткнувшись, вывалилась на широкую дорогу.

– Смотрите, белая лиса! – раздался детский визг, заставивший меня вздрогнуть и едва не кувырком полететь на землю, запутавшись в собственных ногах.

Обернувшись, я увидела застывшие, словно в немом кино, лица, десятки распахнутых от изумления глаз. Впрочем, оцепенение длилось недолго.

– Это она! Та самая! Хватайте её! – пророкотал грузный мужчина вдали, пытаясь побежать в мою сторону.

Люди тут же побросали свои пожитки и ринулись ко мне, как стая голодных волков на добычу.

Твою ж атаманскую дивизию!

Взвизгнув, я сорвалась с места, как пробка из бутылки шампанского, и понеслась в сторону спасительного леса, окружавшего мой дом.

Топот за спиной нарастал, словно барабанная дробь, отсчитывающая секунды моей свободы. Адреналин хлестал в кровь, творя чудеса: ноги не заплетались, дышалось ровно, в голове набатом звучала единственная мысль: «Бежать!». Вот что стресс животворящий делает! И только сердце от страха

колотилось, как пойманная в клетку птица.

– Наконец-то! Она явилась! Теперь заживём! Главное – изловить! – неслись в спину ликующие вопли.

Что за нескончаемый коллапс?! Зачем я им нужна? Почему «наконец-то»? Может, я в чужую шкуру влезла? С Тимия станется! Почему он тогда не сказал, что «заказанная» мной шуба с чьего-то барского плеча?

Я изо всех сил неслась к лесу, будто за мной гнался не просто местный народ, а сама Судьба с косой и вечным ипотечным договором. Лапы цеплялись за корни, а в голове билась единственная мысль: «Главное, в лесу не заблудись. С голоду помрёшь. Охотница из тебя такая же, как из табуретки самолёт!»

Крики преследователей при этом отдалялись, но не стихали. Только множились и ширились.

Меж тем набирающий обороты страх встал в горле колючим комом, смешиваясь с учащённым от бега дыханием. «Чего им от меня надо? Может, я им должна какие-нибудь алименты?»

Мысли метались быстрее лап: «Почему именно я? Почему не синий дикобраз? Или говорящий хомяк?» Если меня поймают – сошлюсь на бешенство. Буду пускать слюну и кусаться. Вот же Кузя со своими гениальными советами! «Не выделяйся!» Да я тут как новогодняя ёлка посреди Сахары!

Нырнув в ближайшие заросли, я попыталась запутать следы, как матёрый заяц. Наверняка со стороны мои поскакуш-

ки выглядели, как результат удара током в область поясницы, но меня сей факт интересовал на данный момент меньше всего.

Лес же встретил меня не умиротворяющей тишиной, а тревожным гулом, словно сам решал, выдать беглянку или укрыть. Ветки хлестали по бокам, липкая паутина щекотала морду, а хруст сухих веток под лапами звучал, как погребальный марш. Меня передёрнуло от зловещих ассоциаций, и память подкинула спасительную соломинку:

– У страха глаза велики! – тявкнула я в пустоту, надеясь на лучшее и зажмурилась.

И вдруг...внезапная тишина.

Преследователи словно испарились. И страх уступил место гнетущему одиночеству – такому густому, что им можно было захлебнуться. Я прижалась к шершавой коре старого дуба, пытаясь унять дрожь в лапах.

«Вот бы сейчас чаю с облепихой… Или глинтвейна. Хотя бы намордник, чтобы ненароком не ляпнуть чего по существу!», – промелькнула неожиданная мысль.

Всё-таки привитая бабушкой и дедушкой привычка никогда не терять присутствия духа – вещь бесценная.

Что бы теперь такое сказать громко, чтобы меня в особняк к Кузеньке вернуло? Но цензурных мыслей в голову не приходило. Только одна: зря я на географии вместо контурных карт виселицы на полях тетради рисовала. С моей топографической недоразвитостью шансы выйти к дому безжалост-

но стремятся к нулю.

М-да. Пророческими оказались рисунки…

Осознав, что в ближайшее время возвращение к новому жилищу мне не светит, я грустно свернулась калачиком под дубом, положив мордочку на исколотые лапы, и накрылась пушистым хвостом. Но утонуть в саможалении не успела – тишину разорвал ласковый детский голос:

– Ты чего, лисонька, дрожишь? – Я подскочила, едва не подвернув лапу. Передо мной стоял худенький светловолосый мальчишка, перемазанный какой-то липкой грязью, и бесстрашно смотрел на меня разноцветными глазами. – Ты из города убежала?

Вместо ответа изо рта вырвалось только грустное шипение.

– Понимаю. Сам такой. Но ты не расстраивайся. Если хочешь, мы здесь можем вместе жить. У меня свой маленький шалашик есть. Ты будешь охотиться, а я готовить. Проживём. Вдвоём-то всяко веселее.

Округлившимися от шока глазами я вытаращилась на мальчугана, смотрящего на меня с затаённой надеждой. Он что, живёт здесь один? Да ему на вид лет восемь-девять! Как он выживает в лесу в одиночку? Почему? Где его родители?

Срывающиеся слова едва удержала на языке, боясь спугнуть. Вместо них осторожно боднула его в грудь головой, словно прося ласки.

– Так тебя пожалеть? – счастливо воскликнул ребёнок, за-

пуская пальчики в мою густую, уже не такую белоснежную шерсть. – Бедная лисичка! Какая ты красивая! Замечательная! Ты на них не обижайся. Они не злые, просто дураки. А ты вон какая чудная. И глаза умные.

Мальчик нежился в моей шубке, приговаривая ласковые слова, а я молчала, сдерживая в груди ругань в адрес тех, по чьей вине этот добрый малыш оказался в лесу один-одинёшенек. И восхищалась силой его духа. Оказавшись в такой ситуации, он искал во мне… друга и поддержку. В его детских глазах светилась непередаваемая чистота и искренность. Несмотря на все трудности, он сохранил свет своей души. Я чуяла это каждой клеточкой своего существа.

Что-то внутри буквально кричало, что этот ребёнок очень важен, что его нужно спасти. На свою интуицию я никогда не жаловалась, поэтому мгновенно приняла решение забрать мальчика с собой. Правда, перед этим надо найти его родителей и объяснить им всю неправильность подобного поступка. И если он оказался в лесу по их вине, сразу забрать с собой.

И никто мне не помешает!

Переполненная эмоциями, я лизнула мальчика в нос и потёрлась о его щёку.

– Лиска! – звонко рассмеялся он, вытирая личико ладошкой и прижимаясь ко мне в ответ. – Спасибо! Если ты всё-таки решишь уйти, я не обижусь, правда, я уже привык тут один. Но помни, что есть тот, кто тебя всегда будет здесь ждать и любить. Просто так.

От этих слов сердце болезненно сжалось, в глазах потемнело, и через мгновение я очнулась от шокированного возгласа:

– Ой! Так ты человек!? Или это фокус?

– Я – человек-песец! Это пострашнее любого фокуса, – пробурчала в ответ, осматриваясь.

Глава 9

Осознание возвращения человеческого облика таким неожиданным способом меня удивило, но не напугало. Детское тепло – какая-то особенная магия!

С довольной улыбкой я обратилась к ребёнку:

– Как тебя зовут, дитя?

– Эйгориан, госпожа, – прозвучал в ответ чистый, как горный ручей, голосок, а глаза мальчишки одарили меня сияющим, невинным взглядом.

Ну и имена тут.

– Очень приятно, а я Анфиса. Давай дружить! – протянула я ладонь.

На лице мальчика застыло неподдельное изумление, словно я предложила ему поймать луну.

– Дружить? – он судорожно сжал кулачки, глаза распахнулись от восторга и неверия. – Но вы же Белая Лиса!

– И что? – рассмеялась я, чувствуя, как тепло разливается по сердцу. – Разве лисам нельзя иметь друзей?

– Я… Вы… Вас… нельзя касаться! Вы – Легенда! Вы… – Эйгориана захлестнула буря детского обожания.

– Стоп, стоп! Притормози, юный оратор! Давай начнём наше знакомство с чистого листа. Меня зовут Анфиса, можно просто Фиса. Я сегодня прибыла в Володар, решила прогуляться, а местные жители почему-то решили, что я –

дичь, причём особо ценный охотничий трофей. Хотелось бы узнать, откуда столько чести и почему меня нельзя трогать?

Мальчик тяжело вздохнул и приоткрыл завесу тайны:

– Когда-то давно наш город был богатым, но живший здесь старый волхв предсказал, что праздности быть недолго. Володар обеднеет и люди потеряют всякую надежду жить хорошо, как раньше. Но он наказал им верить. В белую, как снег, Лису, которая придёт из ниоткуда и вернёт нам веру, а земле – магию. Жители посмеялись… а наутро волхв исчез, оставив на воротах своего дома лишь маленький белый рисунок. С тех пор Володар сильно обеднел, а мы уже ни во что, кроме Лисы, и не верим. Как волхв и предсказывал. Говорят, если её накормить – в доме еда появится. А если поймать – потеряешь всё.

«Точно Россия-матушка. Ничего не меняется. Песец в ней не просто тотемное животное. Тут он ещё и спаситель земли русской», – язвительно, но с нежной гордостью подумалось мне.

– И вы верите, что Белая Лиса вас спасёт? – с тёплой жалостью поинтересовалась я.

– Нет… Но очень хотим верить, – тихо ответил он, опустив взгляд.

Только вселенской легендарности мне для полного комплекта развлечений и не хватало! Теперь хоть понятно, почему за мной гналась эта обезумевшая толпа. Перед глазами вновь возникла картина недавней погони, и я не смогла

сдержать усмешку.

– Кажется, они забыли последнюю часть пророчества.

– Нет, – покачал головой мальчик с печальной улыбкой. – Им просто больше нечего терять. Увидев вас, они вновь захотели стать счастливыми.

Я же мысленно фыркнула. Люди везде одинаковы. Ждут волшебника на голубом вертолёте, который привезёт им пятьсот эскимо. Интересно, как они себе представляют исполнение мной их желаний? Посадят меня на цепь и будут тереть мне нос, как медному Бегемоту в моём многострадальном городе из прошлой жизни?

– Госпожа Анфиса, вы улыбаетесь! Вам понравилась легенда о вас? – с детской наивностью спросил мальчуган, с надеждой глядя мне в глаза.

– Безумно, – пришлось кивнуть, украдкой изучая юного собеседника.

Загадочный ребёнок. Умный не по годам, воспитанный и очень, я бы даже сказала, слишком добрый. Пацан вызывал массу вопросов, главный из которых: как он оказался в лесу один?

– Эйгориан, а откуда ты так хорошо знаешь эту легенду? – начала я свой допрос издалека, стараясь говорить как можно мягче.

Мальчик пожал плечами.

– Её все здесь знают. Детям на ночь как сказку рассказывают.

– А тебе кто рассказывал? Мама? – вкрадчиво спросила я, затаив дыхание.

– Няня Нелла, – прошелестел тихий ответ.

Плечи мальчика поникли, взгляд устремился в землю, пальчики нервно теребили подол рубашки. Он сдерживал слёзы, и его боль молниеносно физически передалась мне, накрывая волной сочувствия.

Я придвинулась ближе и осторожно обняла его, поглаживая по голове. Эйгориан молчал, но напряжение в его теле говорило громче слов.

– А почему не мама? – понимая, что причиняю боль, я всё же задала этот вопрос.

Мне нужно было знать правду, чтобы понять, что делать дальше.

– Она умерла, когда я был совсем маленьким, – прошептал мальчик. – Меня Нелла воспитывала. А потом папа привёл новую жену, и… – его голос дрогнул, и Эйгориан замолчал. Я не торопила, продолжая ласково гладить его по голове. Наконец, ребёнок собрался с духом и продолжил: – У них родился свой сын. Я старался помогать, делал всё, что мог, но… Илия последнее время говорила, что я только всё порчу. Ругала. А потом папу вызвали в столицу, а я сильно заболел. Когда выздоровел, мои глаза… они стали разного цвета, – мальчик нервно сглотнул и глухо закончил: – Илия сказала, что я… урод, и теперь навлеку позор на семью. И если люблю отца, должен исчезнуть навсегда, чтобы не испортить

ему жизнь.

Что???

С каждым словом в моей душе поднималась буря. Нет, ураган, болью разрывающий грудную клетку. Чтобы не выпустить его наружу, я с силой сжала кулаки, практически пропарывая ладони острыми ногтями. Как можно было так поступить с ребёнком? Я представила, что эта... особь женского пола стоит передо мной, и мне страстно захотелось один раз, но очень доходчиво объяснить ей, что детей не выгоняют! Сердце сжималось от боли за дитя.

Объясню. Словарный запас и опыт у меня богатые. Жди, Илия, в гости.

– И давно ты здесь? – стараясь говорить спокойно, спросила я.

Мальчуган вздохнул и признался:

– Двадцать два дня. Вон зарубки на веточке.

– И что же ты всё это время ел? – ахнула я.

– Нелла присылает ко мне внука каждый день. Залхар со мной ночует, а утром уходит. Она меня любит. Её муж сделал мне шалашик, иногда тоже приходит и помогает во всём, – мальчик улыбнулся, радуясь тому, что хоть кто-то о нём заботится.

– А почему они тебя к себе не забрали? – моему возмущению не было предела.

То же мне взрослые!

– Что вы! Как можно?! – воскликнул он. – Если Илия

узнает, что Нелла мне помогает, она же её уволит! А в нашем городе мало хорошей работы. Платят гроши. Я не могу отплатить няне такой чёрной неблагодарностью! Илия же…

И тут меня осенила страшная догадка.

– А кто твой отец?

– Главный казначей Володара, – вздохнул мальчик и, уставившись мне на макушку, по-детски восторженно воскликнул: – Ой, госпожа Анфиса, какие у вас ушки на голове красивые, белые.

Глава 10

Я схватилась за голову и ахнула. Из неё и впрямь торчали мохнатые уши!

Как их обратно затолкать? Не могу же я с ними по городу ходить?

– Егорка, можно я буду тебя так называть? – Мальчишка доверчиво кивнул, а я нервно ощупывала шерстяные холмики на макушке. – Нужно что-то с ними сделать! Никто не должен узнать во мне ту самую Лису!

– Почему? Вас же все ждали! – в глазах ребёнка полыхало искреннее непонимание.

– Пусть подождут ещё немного, – буркнула я и, вскочив, принялась критически себя осматривать – не вылезло ли откуда-нибудь что-то ещё мохнатое. – Судя по всеобщему ликованию, скоро начнётся охота на песцов. А мне, знаешь ли, не улыбается перспектива стать чучелом на городской площади.

– Нет, они не станут… – заикнулся было Егорка, но пришлось его перебить.

– Ты говорил, что моё появление очень важно, так? Значит, подождут. Мне нужно время, чтобы осмотреться, оценить ситуацию, как говорится.

«Принять ванну, выпить чашечку кофЭ», – услужливо подсказала память.

– Вот что. Сейчас мы пойдём ко мне. Дом, правда, слегка… легендарный. Поэтому ты сильно не пугайся.

– То есть старый? – безжалостно уточнил мальчишка.

– Раритетный, – гордо поправила я, стряхивая мусор с одежды. – Собирай свои пожитки. С сегодняшнего дня ты мой помощник и… – и выдержала паузу, глядя ему в глаза, – друг. И больше никаких ночёвок в лесу.

Егорка замер, словно громом поражённый. В его глазах бушевала настоящая буря: надежда отчаянно боролась со страхом очередного предательства. Ребёнок боялся поверить. Его худенькие пальцы побелели, судорожно сжимая край старой рубахи.

Я присела перед ним и посмотрела прямо в глаза.

– Условия простые: крыша, еда и… – коснулась своего плеча, – вот это. Надёжное. Навсегда.

– Значит, я теперь... буду принадлежать тебе? – прошептал он, вдруг перейдя на «ты».

– Солнышко, запомни раз и навсегда, ты не вещь, – я легонько коснулась пальцем кончика его носа. – Ты – человек, личность и мой первый и самый важный союзник. Моя опора и надежда.

– Но так не бывает, – он закусил губу. – Такие, как я…

– Какие «такие»? – неожиданно для себя даже зарычала.

– Никому не нужные.

Боль, прозвучавшая в его голосе, обожгла меня хуже раскалённого клейма. Вот встречу его мачеху и обязательно ис-

полню её самое сокровенное желание на манер классического джина! Какая ссс…ветлая и искренняя женщина!

Я наклонилась к ребёнку и почти шёпотом спросила:

– Послушай, солнышко, знаешь, почему у меня сейчас только уши торчат?

Он покачал головой.

– Потому что если я выпущу всё остальное, – щёлкнула зубами у него перед лицом, – от обидчиков останутся мокрые пятна.

Егорка тихо фыркнул, но тут же виновато спохватился:

– А если скажут, что я тебя позорю?

– Я заставлю их проглотить свои языки. Поверь, я и не такое умею. Ты не урод, малыш. Ты особенный мальчик. А знаешь, что тебя им делает? Не глаза. Твоя душа, которая не померкла от совсем не детских испытаний.

Мальчик покраснел, но не отводил глаз.

– А если… если дразнить не перестанут? Я ведь ничейный…

Внезапно вспыхнувшая между нами тёплая искорка не дала ему закончить эту горькую фразу. Откуда она возникла – то ли от моих слёз, то ли от его дрожащего дыхания, мне было неинтересно. Я крепко сжала его ладони в своих и, глядя прямо в глаза, прошептала слова, которые родились где-то глубоко в сердце:

– Родня не по крови, а по духу.

Наши пальцы вдруг засветились мягким золотистым све-

том, будто в них попала частичка солнца. Между ними затанцевали тёплые искорки, сплетаясь в узор, похожий на маленького лисёнка. И вдруг вся эта красота ударилась в ладошку Егорки, оставив на его запястье маленький светящийся след – два маленьких лисьих ушка, словно вытатуированных лунным светом.

Мальчишка ахнул, а я почувствовала, как что-то внутри меня изменилось – будто невидимая ниточка навсегда связала наши судьбы.

Разглядывающий светящийся знак Егорка вдруг улыбнулся – впервые за всё время.

– Значит, я теперь как ты?

Я потрепала его по волосам:

– Лучше. Ты – человек. А это покруче любой магии.

Вдруг ребёнок бросился на меня с такой силой, что мы едва не рухнули в кусты.

– Только… не бросай, ладно? – донёсся из-за моего плеча приглушённый шёпот вперемешку со всхлипами.

– Никогда! – прошептала я, прижимая его к себе. Его пальцы до треска вцепились в мой пиджак. – Ты теперь мой брат. А это значит, имеешь право даже доставать меня. Но если разбудишь среди ночи, то я, как серенький волчок, покусаю за бочок.

Он сквозь слёзы рассмеялся, и я почувствовала, как что-то ледяное, что копилось в моей груди годами, наконец, начало таять.

– Пошли, герой, – встала, протягивая руку. – У нас дела.

Собрав свои скудные вещички в старую котомку, Егор крепко схватил меня за руку, но тут же замер и взволнованно спросил:

– Госпожа Анфиса, а как же Нелла? Когда она узнает, что я исчез, то будет сильно переживать!

– Не будет, мы что-нибудь придумаем, не переживай.

Мальчик кивнул, и мы направились прочь из этого места навсегда.

Глава 11

Мы уже практически подошли к моему новому жилищу, как мальчик вновь меня удивил:

– Это же тот самый дом, где жил старый волхв!

– Дааа? – изумлённо посмотрела я на пацана. – Как интересно. Я была уверена, что он принадлежал моему родственнику – барону Фоксигранду.

Вспомнить быстро имя у меня не получилось, но, оказывается, мой новый братик был в курсе и этого момента.

– Да, этот особняк генерал Семин получил в дар за подвиги в разных битвах. До него тут долго никто не жил, все боялись старого проклятия. Но барон не струсил, принял подарок. Правда, всё равно все обходили стороной и его, и дом. На всякий случай.

Эрудиция мальчика в очередной раз меня, мягко говоря, удивила. Как много он знал о местных реалиях. Обычно дети таким не интересуются.

– Всё-таки людские суеверия – вещь упрямая, – усмехнулась я, тут же вспоминая трепетное отношение нашего народа к приметам. – Скажи, а откуда ты всё знаешь?

Егорка как-то съёжился от моего вопроса и потупил взор. Видать, мачеха его совсем заклевала. Да и к папаше у меня вопросы накопились.

Я остановилась, ласково приобняла мальчишку за плечи.

– Ты просто кладезь информации, солнце! Мне несказанно повезло с тобой!

Пацан расцвёл, и уже в приподнятом настроении мы вошли в наш новый дом, в центре которого стоял всё тот же поломанный стол, но уставленный едой…

– Не поняла! Кк…, – от удивления чуть не ляпнула имя домового, но быстро опомнилась. – Как неожиданно!

– Что именно, госпожа Анфиса?

– Давай просто по имени, мы же договорились. Я про еду на столе. Интересно, откуда она здесь?

– Может, люди дары тебе принесли? – наивно предположил Егорка.

– Ага, и сразу в дом. Чтоб уж наверняка до адресата дошли, – фыркнула я. – И откуда они узнали, что я именно здесь поселилась?

Мальчик пожал плечами и выдал логичное:

– Больше негде. Это единственный дом, где ты могла появиться. Так волхв говорил.

Точно. Как я могла забыть?

– Надеюсь, её не отравили ради моей поимки, – хмыкнула я, но в голове тут же раздалось: «Кушай спокойно, всё проверено».

Мысленно поблагодарив домового за заботу, я отобрала у Егорки котомку и потащила его к столу, захватив по дороге притуленные у стены старые резные стулья.

Дары были так себе, но и на том, как говорится, спаси-

бо: яблоки, ягоды, какие-то непонятные лепёшки, нечто, напоминающее сыр, и кусок тёмного мяса. Вредничать сейчас было глупо – не в моём положении нос воротить. Мальчишка вообще стеснялся и клевал еду маленькими кусочками.

Покушав, Егор вежливо поблагодарил и поинтересовался:

– Анфиса, а какие у меня будут обязанности по дому? Мне бы хотелось быть полезным.

– Думаю, для начала я поручу тебе моего питомца. Он такой же маленький, как и ты, и наверняка тоже жаждет внимания и заботы, – подмигнула я опешившему мальчику. – Это поросёнок. Его зовут Пятачок. И, кстати, его тоже не мешало бы покормить.

– А где он? – тут же подскочил от восторга Егорка.

И тут я поняла, что понятия не имею, где искать свою «печальную» свинку. Помявшись, огляделась по сторонам, но никаких следов не обнаружила.

– Пойдём искать. Как говорится, кто ищет, тот всегда найдёт? – с улыбкой… зря я это сказала.

Из-под дивана раздалось радостное хрюканье. Пятачок выкатился сам, а за ним – ещё два таких же поросёнка!

– Ой, так он тут не один! – счастливо воскликнул Егор, а я бросила хмурый взгляд в сторону стоящего на диванчике сундучка.

– Какая радость! – пробурчала я и тут же прикусила язык, чтобы не выдать готовый сорваться с него саркастичный комментарий. – Хотелось бы знать, откуда эта хрюкающая

мелочь родственников привела?

– Они точно не местные. У нас таких отродясь не водилось. Да и вообще мало у кого свиньи есть, тут больше птицу держат или охотятся, – пояснял между делом пацан, поглаживая розовый зверинец.

Я же недовольно осматривала визжащий зоопарк и не могла решить: радоваться мне пополнению или нет. И вдруг меня осенило: моя сила – это же халява! Это же так здорово! Можно теперь особо не напрягаться! Просто нужные пословицы произносить, и будет мне счастье!

Восхищённая своим озарением, я окинула взглядом окружающий меня бардак и громко изрекла:

– Чистота – лучшая красота!

Лучше б я не экспериментировала.

Непонятно откуда появившаяся старая швабра с воинственным визгом бросилась на полы. Ведро, подхватив эстафету, вприпрыжку старалось её догнать, разбрызгивая непонятно откуда взявшуюся в нём воду во все стороны.

– Что происходит?! – взвыла я, едва увернувшись от ещё одной летящей тряпки.

– Судя по всему, это та самая красота! – хохотал только мной слышимый домовой. – Смотри, даже паутина на кружева твоей прабабки похожа!

В этот момент старый коврик под столом с громким чпоком оторвался от пола и вылетел в окно. Это он от меня убежал или выбиваться помчался? Все книги на полках пере-

вернулись корешками внутрь. Пылинки, дрожа от усердия, выстроились в разные геометрические фигуры по углам дивана. А поросята… поросята стали белоснежными, и, кажется, весьма довольными этим фактом.

– Ой! –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.